

И.И. Панаев и «молодая редакция» «Москвитянина»

Карева Анастасия Юрьевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Отношения «Современника» с «молодой редакцией» оказались определены выпадом Нового Поэта – И.И. Панаева против журналов, которые печатают стихи «ниже всякой посредственности» (1850, № 11). Здесь оказался задет и «Москвитянин», и Фет, личный друг и любимый поэт Ап. Григорьева; хотя члены «молодой редакции» относились к Фету весьма различно, обзор журналов в «Москвитянине» вел именно Григорьев, заступившийся за Фета (1851, № 5, отд. V, с. 83–84); в дальнейшем внешнему врагу москвитянинцы противостояли единодушно, и Нового Поэта регулярно обвиняли в неумении «отличить очень хороших стихотворений от пародий» (Е. Эдельсон, «О современном состоянии и значении у нас эстетической критики» – 1852, отд. III, № 6, с. 34). Москвитянинцы обвиняли Нового Поэта в ненависти к поэзии как таковой, Новый Поэт же объяснял, что он против «плохих стишков» и, конечно, «обличил бы отсутствие эстетического такта и грубость вкуса, если бы вздумал писать пародии на произведения таких талантов, как Пушкин и Лермонтов» (1851, № 4); впрочем, в пылу спора, дразня противников, Новый Поэт пародирует именно Лермонтова и Пушкина (на такое рисковал, как известно, соавтор Панаева – Некрасов), а Алмазов-Благонравов сочиняет пародии на пародии, возмущаясь оскорблением святыни («Стихотворения Эраста Благонравова», а также журнальный обзор «Современника» – «Москвитянин», 1851, № 10, с. 202–203).

Возможно, как раз необходимостью отвечать «Москвитянину» объясняется то, что с № 5 1851 г. Панаев заводит ежемесячную рубрику «Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики»: в первом же фельетоне обсуждался «Сон по случаю одной комедии» Эраста Благонравова (наиболее известное выступление Б. Алмазова) и преимущественно т.н. «предупреждение» к этому «Сну».

Идеология «Современника» персонифицирована у Алмазова в образе господина Икс – петербургского литератора и щеголя, «порядочного» и «практического» человека, воздвигающего «гонение» не только на «чувствительность и мечтательность», но и на «дурную кухню». Наиболее узнаваемы черты Панаева (озабоченность «умением одеваться к лицу» – настойчиво повторяющийся мотив) и Гончарова, отождествленного с Адуевым-старшим. (Пародируются эпизоды из «Обыкновенной истории»; такое отношение к Гончарову перейдет впоследствии из «Москвитянина» в поздние статьи Ап. Григорьева, будет свойственно Достоевскому, резко критиковавшему «Обломова»). В конце «предупреждения» Благонравов прямо обращается к Новому Поэту: «Пусть он идет на бой со мной!» (1851, № 7, с. 256).

Журнальная война, принимавшая самые резкие формы (например, Новый Поэт объяснял Погодину, что тот портит свою репутацию, допустив «молодцов» хозяйничать в журнале, а Григорьев доказывал, что Н. Берг как поэт лучше Некрасова), была прервана «Москвитянином» в 1853 г.: Б. Алмазов по поводу фельетона Нового Поэта «Канун нового 1853 года, кошмар в стихах и в прозе» (в котором литературные произведения, появившиеся в 1852 г., изображались в виде гротескных танцующих чудовищ) говорит, что «надоело смотреть на ту небрежную позитуру, которую принимает Новый Поэт пред лицом литературы. Он при каждом слове хочет показать, что она ему наскучила, что он ее не любит и что он светский человек, а не литератор... Но можно ли знать предмет, относясь к нему с невниманием и даже презрением? Мы от души советуем Новому Поэту перестать писать фельетоны» (с. 232). И «Москвитянин» демонстративно прекращает упоминать об «исписавшемся» фельетонисте, зато чаще, чем раньше, обсуждает Панаева-беллетриста. Например, Ап. Григорьев подводил итоги деятельности «естествоиспытательной школы», к которой относил Панаева, Григоровича и Сологуба и которая занята анализом «пошлости, суетности,

порождаемых и поддерживаемых стремлением к лоску, к внешнему блеску дурно понятого образования», но анализом, не поднимающимся «выше той сферы, отражения которой» она преследует «неумолимо» (обзор «Библиотеки для чтения» – «Москвитянин», 1855, № 4, с. 109). Войну за поэзию Григорьев уже в начале 1853 г. поминает как дело давнее, причем считает, что «Москвитянин» остался победителем (№ 3, с. 119).

Маска Нового Поэта – франта и бонвивана, дразнящего оппонентов воспеванием «низких» житейских радостей, оказалась удобной мишенью для тех, кто был не согласен с отрицанием «прекраснодушия» и проповедью уважения к «действительной жизни». Желая унизить «Современник», Григорьев говорит о фельетонах Нового Поэта: «Не шутя, это главный отдел Современника. В нем выражается дух, направление и взгляд на литературу и науки, и критика, и даже отчасти русская словесность существуют в нем только для *проформы*. Журнал Современник собственно заключается в Новом Поэте» (1852, № 17, отд. 5, с. 125). Белинский, порицавший «прекраснодушие», сам был очевидно «непрактичным», слишком патетическим энтузиастом, что бы он ни проповедовал, и поэтому защищать от него «поэзию» было бы сложно. Его ученики, и Панаев больше других, оказались уязвимее: оспаривая их, оказалось возможным отождествить материализм как мировоззрение с бытовым цинизмом, расчетливостью, озабоченность социальными вопросами – с озабоченностью «комфортом». В «Современнике», основой репутации которого были воспоминания о социалисте и разночинце Белинском, Алмазов-Благонравов видит «дендизм», плохо сочетающийся с левой идеологией.

Не исключено, что следы старого спора с Новым Поэтом, и идеологические, и лексические следы, есть в более поздней полемике с левыми, которую вел Достоевский (близкий к Ап. Григорьеву), например, в словах Порфирия Петровича о жизни, которая теперь проповедуется «в комфорте», – словах странных, если учитывать аскетические манеры нового поколения сотрудников «Современника».

Литература

Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982.